

Слыша эти слова, остальные уставились на Бай Шу с нескрываемым изумлением, словно у него на голове внезапно выросли рога.

Да бог с ним, плохо ли обходились с наследником в герцогском поместье, но его внешность! Мягко говоря — заморыш, грубо выражаясь — краше в гроб кладут. Где они там разглядели хоть каплю красоты?

Однако, глядя на упрямство и искренность, светившиеся в чистых глазах юноши, собравшиеся мысленно вздохнули: младший брат великого генерала Бая — редкостный чудак.

Вот только от мысли, что, по мнению этого чудилы, чахлый Хан Сиэнь краше их всех, вместе взятых, взгляды гостей потеплели отнюдь не дружелюбием. Оказаться хуже обтянутого кожей скелета! Раструби кто об этом — позора не оберешься.

Цзи Юэ втайне помянул черта. Позволь он Бай Шу и дальше нести эту околесицу, пиши пропало: скандала не избежать. Все они — любимцы судьбы, избалованные отпрыски знатных родов. Кому охота терпеть публичные унижения и слушать, что они уступают ликом живому мертвецу?

Уездный князь устраивал этот прием, чтобы укрепить связи и обзавестись союзниками, а не нажить врагов на ровном месте. От досады Цзи Юэ мысленно обругал своего побочного брата-гэера, едва не свалившегося в пруд. Не натвори этот придурок глупостей, Бай Шу не бросился бы на помощь, и разговор никогда бы не зашел в столь опасное русло.

Скрыв раздражение за приветливой улыбкой, молодой хозяин уже собирался перевести разговор на другое, как вдруг заметил спешащего к нему слугу. Цзи Юэ осекся на полуслове. Извинившись перед гостями под предлогом спешных дел, он торопливо отошел в сторону.

Слуга приблизился и торопливо зашептал ему на ухо:

— Молодой господин, наследник герцога Хань ушел. Сказал, что занемог, да и вообще он на таком приеме впервые и не желает портить гостям веселье. В общем, ушел один, а мне велел передать вам эти слова.

Цзи Юэ нахмурился:

— Занемог? И вы отпустили его одного? Почему никто не вызвался проводить? А госпожу Лю предупредили?

— Люди пошли следом, да только молодой господин Хань их прогнал, — взмолился слуга. — А к госпоже Лю посыльного как раз сейчас отправляем.

На душе у бедняги кошки скребли. Ну кто бы мог подумать, что им попадется столь своенравный гость, совершенно плюющий на приличия? Где это видано — явиться на чужой праздник, а потом сослаться на недуг и тайком сбежать?

В семействе Хань никто не ведал о случившемся. Смолчишь — выйдет так, будто мачехе и братьям нет никакого дела до захворавшего первенца. Расскажешь — выставишь напоказ их семейный разлад, и злые языки тут же обвинят Сиэня в непочтительности к старшим. Как ни поступи — принимающая сторона окажется виноватой. Угодить обоим лагерям не получится при всем желании.

Цзи Юэ прекрасно понимал всю щекотливость положения. Поразмыслив, он тихо приказал:

— Найди Хан Юэвэня. Как-никак, они братья. А я пойду доложу матушке, пусть она решит, как лучше замять это дело.

Слуга с облегчением поклонился и поспешил исполнить поручение.

Вернувшись к гостям, Цзи Юэ обменялся с ними парой дежурных фраз и, заметив отсутствие младшего Бая, спросил:

— А где же молодой господин Бай?

Юноша, до этого назвавший Бай Шу слепцом, процедил сквозь зубы:

— Сказал, что у него дела, и ушел развлекаться в другое место. Должно быть, мы для него лицом не вышли, вот и не пожелал марать взор.

Услышав ядовитую реплику, Цзи Юэ лишь неопределенно хмыкнул, благоразумно решив не развивать скользкую тему. Еще раз извинившись за то, что вынужден покинуть столь приятное общество, он поспешил к своей матушке, супруге уездного князя Юна.

\*\*\*

Пока в Поместье уездного князя Юна назревал переполох, Хан Сиэнь уже неспешно мерил шагами дорогу к родному дому. Карету он брать не стал, решив дойти пешком — благо расстояние между усадьбами было пустыковым, а легкая прогулка могла сойти за разминку для его немощного тела.

Решение уйти созрело внезапно. Прогуливаясь по саду уездного князя Юна, Сиэнь случайно наткнулся на слугу своего единокровного брата, Хан Юэчжуна. Тот, завидев Сиэня, склонился в угодливом поклоне, но в глубине души брызгал ядом. Сиэнь прекрасно расслышал его мысленный глумливый шепоток: его брат только что получил весточку от матушки. Четвертая барышня, Минчжу, уже прибыла в столицу и ждет у ворот, но старая госпожа Хань непременно

выкажет ей свое пренебрежение и не пустит через главный вход. К тому же сам прием казался Сиэню смертельно скучным.

В этой жизни он вознамерился потакать лишь собственному удобству. На подобные сборища он соглашался от скуки: вздумается — придет, надоест — повернется и уковыляет восвояси. До мнения света ему не было дела. Обременять себя узами брака и продолжать род он не собирался, так к чему эти утомительные условности? Разумеется, рамки приличий он соблюдал, но лишь до тех пор, пока это не стесняло его свободу.

Огибая угол Поместья герцога Хань, Сиэнь и Ань Цао издалека приметили у боковых ворот толчею. В самом центре дорожного затора замерли нарядные носилки, возле которых выстроились четыре служанки. Чуть поодаль переминались с ноги на ногу десятка два вооруженных охранников, сопровождавших груженные добром повозки.

Старший привратник так и соловьем разливался перед плотно зашторенными носилками:

— Четвертая барышня! Как прослышали, что вы изволите возвращаться водным путем, старая госпожа и госпожа глаз не смыкали — все слали слуг на пристань дежурить. Хотя вы и указали примерный день, наши госпожи так боялись разминуться! Сегодня-то старшие разъехались с молодыми господами в поместье князя Юна на празднество. Прибудь весть на часок пораньше, госпожа Лю непременно осталась бы встречать вас!

— Раз хозяек нет дома, молодая барышня засвидетельствует им почтение позже, когда они вернутся, — звонко и отрывисто отчеканила стоявшая у носилок служанка в ярко-красном платье. — А сейчас немедленно отворяйте ворота. Наша хозяйка желает войти и поклониться старой госпоже. С чего это вдруг родная дочь герцога должна торчать на улице перед собственным домом?

Привратник расплылся в подобострастной улыбке и услужливо согнулся в три погибели:

— Так малые ворота давно отперты, барышня! Проезжайте на пол-ли к западу, там вас и встретят, и устроят со всем почетом. Прошу в усадьбу! Старая госпожа в последние дни занемогла, все больше почивать изволит, но как узнает, что внучка воротилась, от радости хворь как рукой снимет.

Услышав этот елейный бред, Хан Сиэнь не выдержал и негромко, но язвительно рассмеялся. Этот привратник когда-то ходил в любимчиках у его отца, Хань Чжо, но, повредив ногу, осел на воротах.

Сегодня дежурить должны были двое. Но стоило старой госпоже намекнуть, какую комедию разыграть перед нежеланной внучкой, как напарник тут же прикинулся больным и скрылся, сославшись на внезапную резь в животе. Привратник понимал: струсил шельма, испугался гнева молодого наследника. Сам-то он мнил себя посмелее — Сиэня в поместье все равно не было, а когда тот вернется, дело будет сделано, и мачеха с бабкой надежно укроют верного слугу от расправы.

Но тут раздался смешок, от которого у мужика подкосились колени. Он испуганно вскинул голову и обомлел, встретившись взглядом с бледным, как у выходца с того света, лицом Сизня. Перед ним стоял сущий вестник смерти.

— М-молодой господин наследник... — заикаясь, выдавил он.

Хан Сизнь неторопливо подошел к нему и без лишних предисловий наградил пинком такой силы, что тот отлетел от порога прямо в дорожную пыль. Оказавшись на земле, слуга поспешил уползти в сторону и замер на коленях, боясь поднять голову. Сизнь остановился на пороге и, глядя на него сверху вниз, лениво протянул:

— Если твои zenки ослепли и не видят, кто перед ними, проще выколоть их и выбросить собакам. Помнится, где-то в заборе у нас зиял собачий лаз. Думаю, тебе самое место там — стеречь подворотню да лазить через эту дыру.

Ань Цао, стоило хозяину закончить, шагнул вперед и грозно прикрикнул на остальных караульных:

— Ослепли, мерзавцы?! Не видите — наследник вернулся! Живо отпирайте главные ворота! Или жить надоело?

Побитый привратник заскулил бы от боли, но под ледяным взглядом Сизня у него перехватило дыхание. Какое там жаловаться — дышать было страшно.

Избегая лишних слов, слуги поспешно распахнули тяжелые парадные створки. Сизнь даже не повернул головы в сторону кортежа своей сестры, не говоря уже о приветствиях. Он все так же неспешно переступил порог усадьбы и скрылся внутри.

В прошлой жизни Минчжу и без его участия в конце концов отстояла право войти через боковые ворота, наотрез отказавшись унижаться перед черным ходом. По этикету старшему брату следовало дожидаться сестру и вместе явиться к бабушке, но Сизнь едва знал девчонку и совершенно не испытывал желания разыгрывать родственную близость. Участвовать в бабьих склоках ему было лень. Женская половина дома издавна была ее полем боя. В прошлой жизни сестрица освоилась в этом змеином гнезде без посторонней помощи, а уж теперь, умудренная опытом, и подавно спуску никому не даст.

Услышав обращение «наследник», Минчжу внутри носилок вздрогнула. Она осторожно приподняла край плотного шелкового полога и мельком увидела изможденный профиль брата. Быть может, давала о себе знать таинственная связь близнецов, но при виде этой пугающей, болезненной худобы ее сердце болезненно сжалось. Глаза защипало от слез, и она торопливо опустила шелк.

Ань Цао решил, что нежданная встреча с родной сестрой разбередила господину старые раны, а потому безмолвной тенью следовал за ним, боясь неосторожным звуком потревожить его

МЫСЛИ.

\*\*\*

Когда они воротились во Дворик Душистых Орхидей, Би Хуа и остальные служанки замерли в растерянности. Заметив предостерегающий знак Ань Цао, они мгновенно подобрались, предчувствуя грозу.

Сизнь остановился посреди мощеного двора и, не оборачиваясь, бросил:

— Оставьте меня. Все свободны.

Расценив это как признак дурного расположения духа, служанки торопливо побросали шитье и без лишнего шума покинули двор.

Дождавшись, пока шорох шагов затихнет, Сизнь перевел взгляд на старое абрикосовое дерево у ограды и с усмешкой произнес:

— И долго ты намерен висеть на заборе? Слезай уже.

Стоило ему договорить, как над кирпичной кладкой показалась взъерошенная макушка Бай Шу. Секунда — и парень легко спрыгнул на землю, бесшумно приземлившись прямо перед хозяином двора. Юноша смущенно переступил с ноги на ногу и тихо пробормотал:

— Как ты меня почуял? Брат божился, что у меня отменная скрытность и обычным людям за мной не уследить.

Сизнь опустил ресницы, пряча усмешку.

«Как почуял? Да я твое сопение еще с улицы услышал».

Однако делиться этим секретом он не стал, лишь сухо спросил:

— Зачем пришел?

Щёки Бай Шу залил легкий румянец:

— Да я... прослышал, что тебе нездоровится. Вот и решил проверить, как ты.

Сказал чистую правду — он действительно волновался. Бедняга просто не ожидал, что его так

быстро поймают с поличным.

Глядя на его замешательство, Сиэнь ровно произнес:

— Раз уж ты здесь, я верну долг за ту заколку.

Услышав про деньги, Бай Шу испуганно вскинул голову и замахал руками:

— Да брось ты! У меня серебра куры не клюют. Оставь себе... мне пора! Дома дела ждут!

Не давая Сиэню вставить ни слова, он оттолкнулся от ствола абрикоса, взлетел на стену и мгновенно растаял в воздухе, словно его и не было.

Сиэнь лишь задумчиво сощурился, глядя на пустую ограду.

\*\*\*

Оказавшись на безлюдном проспекте Алого Феникса, Бай Шу шумно выдохнул. Вспомнив стычку у ворот, свидетельницей которой он невольно стал, юноша сочувственно покачал головой: «Да уж, несладко ему приходится в родном гнезде». Он потер раскрасневшиеся щеки и припустил к дому.

Сейчас они с братом занимали резиденцию великого генерала. Добежав до своей комнаты, Бай Шу почувствовал странный прилив вдохновения. Только за рисованием он мог обрести душевное равновесие. Природа щедро одарила его художественным талантом: на белой бумаге один за другим начали проступать образы сегодняшних гостей. Каждая черточка лица, мимолетная гримаса раздражения, презрительный изгиб губ или тень затаенной злобы — всё ложилось на холст с пугающей точностью.

Юноша как раз набрал тушь, чтобы запечатлеть облик Хан Сиэня, когда в дверь негромко постучали. В комнату вошел его старший брат, великий генерал Бай Вэньхань.

Вэньхань был старше брата на десять лет. В свои двадцать четыре он все еще оставался холост. Лицо генерала пересекал глубокий рваный шрам — память об одном из былых сражений. Ровная белая полоса тянулась от переносицы к самому углу рта, словно раскалывая лицо надвое. Увечье безжалостно сгубило его некогда благородный облик, придав внешности пугающую свирепость. Собственно, оттого он и не спешил обзаводиться семьей — едва ли нашлась бы девица, готовая без содрогания смотреть на такое чудовище.

Вопреки грозному виду, держался Вэньхань удивительно тихо и сдержанно. Не знай люди, кто он такой, запросто приняли бы его за обычного столичного книжника, а вовсе не за беспощадного воина, залившего приграничные степи кровью врагов.

Генерал души не чаял в младшем брате. Приблизившись, он первым делом мягко спросил:

— Обидел кто на приеме?

Попутно он скользнул взглядом по разложенным на столе наброскам. На незаконченном портрете Сиэня его взор на мгновение задержался, но Вэньхань тут же отвел глаза, ничем не выдав своего удивления.

Бай Шу светло улыбнулся и мотнул головой:

— Что ты, никто меня не трогал. Я снова встретил того юношу. Помнишь, я говорил? Он ведь невероятно красив — совсем как ты, брат!

Посмотрев на истощенный, болезненный лик на бумаге, который брат увлеченно именовал красивым, Вэньхань невольно нахмурился.

«Красив как я? Он имеет в виду — такое же пугало?»

Не заметив замешательства брата, Бай Шу принялся взахлеб рассказывать о том, как увязался за Сиэнем и что увидел у ворот герцогского дома. Под конец его голос заметно погрузнел:

— Ему, как и тебе, приходится несладко.

Генерал окончательно перестал разглядывать набросок и равнодушно бросил:

— В каждом знатном доме хватает грязи на заднем дворе. Главное, чтобы ты сам не совался в эту трясину.

Бай Шу закивал с таким жаром, что глаза его заблестели:

— Нет, братец, ты не понимаешь! У него совершенно чистый взор, без капли корысти. И черты лица у него удивительные... Я твердо решил с ним подружиться.

Специфический вкус младшего брата изрядно озадачивал Вэньханя, но спорить он не стал. Лишь обронил:

— Твое дело.

Заметив недоверие старшего, юноша застенчиво улыбнулся:

— Не беспокойся, братец. Если он вздумает водить меня за нос или использовать в своих интересах... я просто перережу ему глотку.

Бай Шу говорил это с той же беззаботной, очаровательной улыбкой, его взор оставался ясным, а лицо выражало чистейшее детское простодушие. Сторонний человек счел бы эти слова глупой шуткой, но генерал прекрасно знал: его брат не шутит. Порой абсолютная внутренняя чистота порождает самое безжалостное равнодушие.

Глядя на брата, Вэньхань почувствовал, как к горлу подступает горький ком. Он до боли презирал себя за то, что в свое время не уберег дитя, но еще сильнее ненавидел тех тварей из клана Бай, что когда-то разрушили их жизни.

Тяжело вздохнув, генерал ласково взъерошил мягкие волосы брата:

— Мы не на войне, Шу-эр. Хватит поминать смерть по поводу и без.

Юноша послушно кивнул и забавно выпятил нижнюю губу.

<http://bllate.org/book/20088/2001979>